

Как и следовало ожидать, Ше Цзе так и не дождался, пока заветное семечко обратится его отцом. Слишком скоро пришло горькое взросление, а с ним и суровое осознание: отец давно мёртв, и никакой призрак не вернётся, чтобы скрасить его одиночество.

Помог Ше Цзе повзрослеть не кто иной, как его собственная матушка — Великая старшая принцесса-покровительница государства Вэнь Тянь.

Уж неизвестно, кто шепнул принцессе, что нельзя позволять сыну и дальше витать в облаках. Подобные фантазии простительны младенцу, но для подросткового отрока они граничат с безумием.

Способ, которым Великая старшая принцесса разбила грёзы сына, отличался прямолинейной жестокостью. Она без утайки, в мельчайших и жутких подробностях вывалила на него всю правду: как именно погиб её супруг, Ше Хэ, и как она шаг за шагом мстила за его смерть. Это было сокрушительное, безжалостное откровение — неприкрытое, сочащееся кровью. Суровая реальность в один миг разнесла в щепки хрупкую скорлупу, в которой пряталось детское сердце.

Такое воспитание в духе «матери-тигрицы» ранило до глубины души. Обида на мать долго терзала Ше Цзе, пока старший дядя, император Вэнь Шоуи, не открыл ему глаза: рассказывая об этом, принцесса заново разрывала едва затянувшиеся на собственном сердце раны. Она терзала себя, чтобы показать сыну: «Хватит грезить наяву. Твой отец — мой муж — мёртв. Мёртв окончательно и бесповоротно. Я сама омывала его бездыханное тело, сама облачала в погребальные одежды и сама везла гроб на юг, чтобы похоронить в родных краях. Даже я не надеюсь на чудо, так с чего бы тебе предаваться глупым иллюзиям?»

По милости суровой родительницы Ше Цзе с малых лет оказался посвящен в тайны, о которых ребенку знать не полагалось. Он благополучно миновал пору отроческого бунта: рос взбалмошным и капризным, но никогда не переступал черту.

Впрочем, всё это говорилось лишь к тому, что...

... Ше Цзе так и не сдался до конца. Раз уж матушка запретила шептаться с семечком, он излил всю свою сыновью нежность в поминальных молитвах.

Выводя каллиграфические строки на бумажных лепестках, он мастерил из них фонарики и пускал по воде, провожая взглядом туда, где зыбкая грань отделяет мир живых от обители теней. Он свято верил: там, в Жёлтых источниках, отец непременно прочтёт эти послания. Точно так же, как в детстве Ше Цзе верил в божественную силу семечка, теперь он уповал на хрупкие лotosовые фонарики, способные унести его тоску в неведомую даль.

Обряд, разумеется, требовал ночной тишины. Ше Цзе вздремнул в повозке, запряженной

быками, а когда открыл глаза, сумерки уже сгустились над Южным озером. На берегу прибывало народу: люди шли помянуть усопшую родню, но почти каждый спускал на воду лишний фонарик в память о Ше Хэ, чьё имя чтили повсюду.

Четверо близнецов-слуг давно подыскивали для Ше Цзе подходящее местечко. Опасаясь пускать его в лодку из-за качки, они выбрали самый пологий и просторный берег.

Вдали, вдоль изрезанной береговой линии, шумело бескрайнее людское море, которому не было видно конца. Здесь же, под охраной верных стражников, Ше Цзе остался в относительном уединении. Приняв из рук слуг первый фонарик, он упрямо — и слышать не желая о помощи — заковылял к воде. Словно дитя, делающее первые несмелые шаги, он покачивался, но всё же дошёл до самой кромки и бережно опустил на воду слова, которые накопились в его душе за этот год.

Мыслей было слишком много — на одном бумажном лепестке не уместишь.

Поэтому Ше Цзе заготовил целый ворох лотосов и спускал их один за другим. Трое из четверых расторопных близнецов сели в лодки и, рассредоточившись по озеру, бережно направляли застывающие на воде огоньки, выстраивая их в ровную вереницу, уплывающую вдаль.

На десять ли вокруг Южное озеро озарилось мириадами сияющих огней.

Вода сливалась с осенним небом в безмятежном единстве. Внезапно налетевший северный ветер разорвал пелену белого тумана, клубившегося над гладью озера. Ше Цзе поднял голову и скользнул взглядом по зеркальной воде — туда, на противоположный берег. В ту же секунду его взгляд замер, выхватив из пестрой толпы силуэт, напоминавший изысканный штрих туши на тончайшем шелке.

Сквозь влажную дымку, окутавшую прибрежную зелень, проступали смутные, до боли знакомые черты.

«О-отец?..»

В холодном сиянии осенней луны незнакомец в бирюзовом одеянии казался призрачным гостем, сошедшим с заоблачных круч священной горы, созданием не от мира сего. Он тоже опускал на воду поминальный фонарик. Изящество его движений, безупречный, словно высеченный из драгоценного нефрита лик и благородная осанка выделяли его из толпы так разительно, что не заметить его было невозможно. Крошечный огонёк, мерно покачиваясь на волнах, пересёк разделявшую их водную гладь и прибил к рукам Ше Цзе.

На белоснежной бумаге изящным каллиграфическим почерком было выведено всего три слова: «Я вернулся».

Ше Цзе лишился дара речи.

«Да чтоб тебя черти драли! Смеешь потешаться над Наследником Ше?!»

В первое мгновение разум Ше Цзе затуманился, и он едва не поверил в чудо. Однако дураком он не был и быстро осознал: этот наглец просто имеет наглость походить на его покойного родителя.

Точнее, походить на тот образ отца, который Ше Цзе сам себе навоображал.

Когда Ше Хэ ушёл из жизни, его сын был лишь грудным младенцем и не мог помнить лица отца. Свой идеал он по крупицам собирал из чужих рассказов. И надо же было такому случиться: этот воображаемый образ вдруг сошёл с картины прямо перед ним. Незнакомец щеголял в просторных одеждах с широкими рукавами, величественный и прекрасный, точно одинокое благородное дерево. В его облике сквозило совершенство — каждая черта, каждый жест в точности отвечали сокровенным чаяниям юноши.

Всё было бы прекрасно, если бы этот мерзавец не вздумал с ходу над ним подшутить!

«Мой отец никогда не повёл бы себя так возмутительно!»

На деревянном подрамнике лotosового фонарика красовалось кольцо из крошечных, искусно приготовленных пирожных. Это были масляные улитки Дисю — некогда любимое лакомство Ше Цзе. Воздушные, нежные, они так и просились в рот — бери да наслаждайся до скончания веков.

Вот только детские пристрастия остались в далёком прошлом. С тех пор Ше Цзе успел охладеть к приторно-сладкому угощению.

Зная, что незнакомец пристально наблюдает за ним с другого берега, Ше Цзе демонстративно взял одну улитку Дисю и с яростным наслаждением раздавил её пальцами.

В ответ мужчина лишь рассмеялся. Даже сквозь широкую полосу воды Ше Цзе заметил, как вздрогнули плечи обидчика, а его широкие рукава, готовые улететь с порывом ветра, взметнулись в изящном жесте, выдавая искреннее веселье. Осенний небосвод казался бесконечным под бегом рваных облаков. Этот безупречный франт по-прежнему походил на небожителя, но теперь в его прищуре сквозила снисходительная нежность — так смотрят на шалости неразумного дитяти.

Корчит из себя великодушного наставника, а сам просто издевается!

Во всяком случае, именно так расценил этот жест раздосадованный юноша.

За всю свою жизнь Наследник Ше не терпел подобной дерзости. Да этот нахал совсем страх потерял!

— Да знает ли он вообще, кто я такой?! — вскипел Ше Цзе.

Сам он ничуть не стыдился привычки при каждом удобном случае козырять именами матери, отца или императора. В конце концов, родиться в такой семье — тоже искусство. Кому не нравится, пусть попробуют переродиться получше!

— Наверняка знает, — Цянь Цзя привстал на цыпочки, всматриваясь в противоположный берег, и зашептал на ухо Наследнику Ше: — Но вот знаете ли вы, кто он?

Ше Цзе недовольно буркнул:

— Ну и кто же?

— Это Юноша Фан. Фан Чаоцы.

Ше Цзе наморщил лоб, пытаясь припомнить, что это за птица. Ну конечно! Это же тот самый подражатель, дешёвая копия его великого отца!

Цянь Цзя мысленно простонал. Сколько раз можно повторять: они совершенно разные!

— И что с того? — Ше Цзе презрительно скривил губы. — Мне его бояться?

Подумаешь, три года назад этот выскочка стал лучшим на императорских экзаменах! Разве это делает его сокровищем поднебесной? Сейчас он наверняка прозябает на какой-нибудь мелкой столичной должности. Чинуши такого полёта даже порог его усадьбы переступить не достойны, не то что заискивать перед ними!

— Вообще-то, вам действительно стоит поостеречься, — набравшись храбрости, возразил Цянь Цзя.

Ещё когда молодой господин впервые проявил необъяснимую неприязнь к Фан Чаоцы, старый управляющий усадьбы строго-настрога наказал Цянь Цзя удерживать Ше Цзе от глупостей, если дело примет дурной оборот.

— С какой стати? — насупился Ше Цзе. Что за важная персона? Неужели у этого типа покровители могущественнее, чем его собственные? Он же не внебрачный сын императора, в конце концов!

— С такой, что теперь он занимает пост шаоцина в Приказе государственной казны.

Приказ государственной казны, в народе часто именуемый Ведомством великого управителя земледелия, ведал всеми амбарами, казной и чеканкой монет Великой династии Ци. Под его началом находились самые прибыльные учреждения страны. Возглавлял Приказ чиновник третьего ранга, а вторым лицом был единственный шаоцин — должность четвёртого ранга, в чьём исключительном ведении состояло несколько ключевых ведомств. Одно из них Ше Цзе знал слишком хорошо: Управление государственного имущества и аренды.

Близкий чиновник важнее далёкого владыки. Для Ше Цзе, мечтавшего о барышах, Фан Чаоцы теперь являлся непосредственным начальником над начальниками той самой лавки, где вертелись его доходы.

Ну и как тут не испугаться?

— И как он умудрился так быстро взлететь по службе?! Он что, пороховая ракета?! — Ше Цзе опешил.

Всего три года назад этот парень был обычным выпускником экзаменов, а теперь уселся в кресло важного сановника четвёртого ранга! Неслыханная наглость! У самого Ше Цзе мать — Великая старшая принцесса, а у него самого за душой до сих пор лишь унаследованный титул да пустой придворный чин.

— Го-говорят, у него влиятельные покровители.

— Кто ещё?

— Великая старшая принцесса-покровительница государства...

Ше Цзе лишился дара речи.

«И кто из нас, чёрт возьми, её родной сын?!»

Экипаж Ше унёсся так же стремительно, как и появился. Быки рванули с места с таким неистовством, точно рассыпая из-под колёс багряные лепестки увядших цветов, втоптаных в жёлтую пыль дороги. Фан Чаоцы остался стоять на берегу, в глубоком замешательстве глядя на рассыпанные крошки масляных улиток.

Люлан поднял глаза на своего господина. Он не знал, как выразить то, что почувствовал в это мгновение. Словно треснул многовековой лед, или величественный небожитель вдруг сошел с алтаря в мир смертных. Молодой господин точно ожил — в его облике впервые проявились чисто человеческое недоумение и теплота. И виновником этого чуда стал Наследник Ше — взбалмошный барчук с невыносимо заносчивыми слугами.

— Ступай, разузнай о нём, — негромко приказал Фан Чаоцы.

— Найти его уязвимые места, господин?

Фан Чаоцы ожёг слугу недоумённым взглядом, искренне не понимая, откуда в его голове родилась подобная глупость.

— Выясни, что он любит есть в последнее время. Похоже, его вкусы сильно изменились.

Люлан лишь безмолвно склонил голову в немом изумлении.

<http://bllate.org/book/19472/1960944>